

рымъ надоѣло подчиненіе ни на чемъ не основаннымъ софизмамъ, вновь воспрянули духомъ; они полны высшими стремленіями, которыя были погребены подъ обломками вѣры, и культъ мысли съ каждымъ годомъ находить все новыхъ и новыхъ сторонниковъ. Политическія движенія, дикая страсть къ спекуляціи и равнодушіе толпы къ вопросамъ, выходящимъ за узкія рамки повседневной жизни, все-таки не смогли ослабить духъ человѣческой пастольки, чтобы онъ отъ времени до времени не интересовался вопросомъ о цѣли своего существованія. Борцы за разумъ поднялись и со всѣхъ сторонъ стекаются на призывный кличъ, крикнутый вождемъ. Они сомкнутыми рядами становятся подъ знамя царства разумной мысли.

Человѣкъ одаренъ естественнымъ стремленіемъ къ прогрессу, къ совершенствованію. Ему равно претитъ и неподвижность и движеніе назадъ. Но цѣлью его стремленій является не идеаль, теряющійся въ воздушномъ мірѣ мечтаній, недоступныхъ для духовнаго взора, нѣтъ, его цѣль—сверкающая звѣзда, приковывающая къ себѣ мысли и чувства всѣхъ людей, взволнованныхъ наукой и озабоченныхъ поисками истины.

Человѣчество еще не достигло тѣхъ свѣтлыхъ духовныхъ сферъ, къ которымъ оно стремится. Много вѣковъ пройдутъ среди тяжелой подготовительной работы, прежде чѣмъ будетъ познана истина, но не бываетъ дня безъ разсвѣта, и если наше время, благодаря важнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, бросаетъ хотя слабый лучъ свѣта въ глубокую тьму прошлаго, то въ этомъ мы имѣемъ право видѣть утѣшную зарю, возвѣщающую намъ приближеніе свѣтлаго дня.

Мы съ восторгомъ привѣтствуемъ пробужденіе духа; ему мы готовы отдать всѣ наши силы, всѣ помыслы. Но пусть это пробужденіе не ограничится простымъ колебаніемъ, простымъ проявленіемъ необходимаго духовнаго движенія, пусть оно, напротивъ, дѣйствительно явится основой, началомъ движенія человѣчества по вѣрному пути истиннаго духовнаго прогресса!

Пусть философія выйдетъ изъ узкаго круга сектъ и системъ, пусть она, напротивъ, пойдетъ рука объ руку съ своей сестрой, съ всеобъемлющей наукой, занятой изученіемъ вселенной: отъ этого союза человѣчество ждетъ новой вѣры, ждетъ своего будущаго величія.

Можетъ-быть, найдутся люди, которые, прочтя эти строки, спросятъ, какое отношеніе религіозная философія имѣетъ къ обитаемымъ мірамъ вселенной?

Можетъ-быть, эти читатели будутъ удивлены тѣмъ, что мы съ такой серьезностью приступаемъ къ рѣшенію поставленной нами задачи, въ то время какъ мы, вѣроятно, могли бы

удовлетворить возбужденное любопытство прежде всего рядомъ романтическихъ, созданныхъ фантазіей, очерковъ.

Дѣйствительно, на первый взглядъ кажется, что для философіи не особенно важно узнать, что на Марсѣ и Венерѣ, среди пышной растительности, среди многочисленныхъ живыхъ существъ, живутъ существа, одаренныя разумомъ, что всѣ тѣ звѣзды, которыя сверкаютъ надъ нами на темномъ ночномъ небосклонѣ, представляютъ собою солнца, окруженныя своими планетами.

Кто не вполне сознаеть важность открытій въ области астрономіи, а мы убѣждены въ томъ, что среди нашихъ читателей лишь немногіе сознають это,—тому придется признать возвышающее ихъ вліяніе и повѣрить, что въ ученіи объ обитаемыхъ мірахъ объединились наука, философія и религія, что это ученіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для человѣчества.

Эта книга написана именно съ цѣлью изложить эту истину и въ то же время, если только это возможно, сдѣлать ее общепонятной.

Но въ интересахъ общепонятности необходимо обнять взоромъ все цѣлое, а не разсматривать отдѣльныя части. Уже давно замѣчено, что наши взгляды на жизнь и на назначеніе человѣка носятъ отпечатокъ чрезмѣрной узости, зависящей отъ того, что мы на все глядимъ исключительно съ точки зрѣнія жизни на землѣ. Подъ впечатлѣніемъ мысли о вседѣйствующи человѣчества, о которой мы пока, правда, можемъ только догадываться, хотя эта мысль естественно рождается при изученіи окружающей насъ непредѣльности, уже не мало написано захватывающихъ, вдохновенныхъ страницъ. Психологи задавали себѣ вопросъ, не можетъ ли наша душа переселиться въ другіе міры; если она обладаетъ этой способностью, то вѣчную жизнь, освобожденную отъ приписываемой ей до сихъ поръ отталкивающей формы, можно и должно сдѣлать предметомъ изученія, какъ жизнь вообще. Естествоиспытатели полагали, что имъ удастся рѣшить загадку творенія, проникнуть въ тайны вселенной, если они будутъ взоромъ изучать далекіи небесныя тѣла, которыя, подобно нашей землѣ, даютъ пріютъ разумнымъ существамъ, похожимъ на людей. Любопытные, а кто не любопытенъ?—обращались къ звѣздамъ и спрашивали у нихъ, какія именно существа ихъ населяютъ. Но никто не рѣшался убѣжденно утверждать, что небесныя свѣтила дѣйствительно обитаемы; сомнѣнія брали верхъ, и люди возвращались въ мрачную бездну смутныхъ догадокъ.

Обитаемость планетъ пока еще не доказана научно. Эта мысль еще нуждается въ астрономическомъ изслѣдованіи, ко-

торое одно способно открыть истину. Еще за самое послѣднее время встрѣчаются ученые, презрительно пожимающіе плечами, когда при нихъ упоминаютъ объ обитаемыхъ мірахъ, и ихъ голословному отрицанію мы до сихъ поръ не можемъ противопоставить доказанные факты.

Пусть вопросъ объ обитаемости небесныхъ тѣлъ однимъ кажется чрезвычайно важнымъ съ философской точки зрѣнія, но окруженнымъ непроницаемой, таинственной тьмой; пусть другіе относятъ его къ области фантазіи, считаютъ его бредомъ, рожденнымъ чувствомъ неудовлетвореннаго любопытства, называютъ его утопій, которая никогда не поддастся человѣку, пусть! Мы, съ своей стороны, всегда считали этотъ вопросъ однимъ изъ наиболѣе животрепещущихъ философскихъ вопросовъ, и съ того дня, когда мы, руководимые стремленіемъ къ научному изслѣдованію, глубоко убѣжденные въ важности задачи, рѣшили заняться ея рѣшеніемъ, мы познали, что эта истина не закрыта для человѣческаго духа, что она, напротивъ встаетъ предъ нимъ во всемъ яркомъ сіяніи своей кристальной чистоты. И у насъ возникла мысль, что это ученіе есть „святая святыхъ“ астрономіи; что оно заключаетъ въ себѣ философію вселенной; что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются жизнь и истина; что величіе Создателя и великолѣпіе всего Имъ созданнаго ни въ чемъ не могутъ проявиться въ такой сверкающей чистотѣ, какъ именно въ этомъ широкомъ взглядѣ на вселенную. Въ своей задачѣ мы видѣли дѣйствительный прогрессъ человѣческаго духа, мы всецѣло отдались ея рѣшенію, и мы поставили себѣ цѣлью найти для этого ученія настолько прочныя основы, чтобы ихъ не могли поколебать ни недовѣріе сомнѣвающихся ни смѣлость голословнаго отрицанія.

Мы полагали, что для такого всесторонняго изслѣдованія, какъ наше, наиболѣе пригоденъ путь опыта, а потому мы пошли впередъ, опираясь на результаты научныхъ наблюдений. Вся вселенная трудится надъ созданіемъ одного гигантскаго храма, и когда планъ строителя вполне выяснится для работающихъ, стройка быстро закончится, благодаря усиліямъ и многочисленности рабочихъ, принимающихъ въ ней участіе. Въ виду этого и мы, совершенно неизвѣстные въ мірѣ философовъ, позволили себѣ скромно положить въ общую стройку свой камень, найденный нами на нашемъ жизненномъ пути. Мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что мы считаемъ наше непосредственное участіе въ этой созидательной работѣ необходимымъ; но нашъ жизненный путь привелъ насъ въ обсерваторію и въ математическій кабинетъ практической астрономіи, и здѣсь

намъ удалось добыть тѣ хартіи, которыя должны лечь въ основаніе ученія объ обитаемости міровъ, послѣ того, какъ это ученіе такъ долго было оттѣснено въ область неопредѣлимаго, непостижимаго.

Однако для того, чтобы вполне оправдать наше намѣреніе въ глазахъ читателя, мы особенно подчеркиваемъ, что эта область естественной философіи представляетъ собою какъ бы жизненную область астрономіи. Дѣло въ томъ что эта наука, при всѣхъ ея великихъ открытіяхъ, приносила бы мало пользы прогрессу человѣческаго духа, если бы завоеванныя ею побѣды не озарялись свѣтомъ философіи, благодаря чему онъ, какъ и другія отрасли науки, даютъ намъ возможность *глубже заглянуть въ тайники нашего собственного существованія*. Виѣшняя, видимая для насъ вселенная, есть дѣйствительно та единая, великая вселенная, съ которой мы должны связать нашу жизнь, чтобы познать наше настоящее положеніе въ природѣ, и безъ этой согласованности нашего существованія съ общей жизнью вселенной мы будемъ просто жить на поверхности невѣдомаго намъ міра, мы не будемъ даже знать, кто мы, откуда мы взялись, въ какомъ отношеніи мы находимся къ общности творенія. Да, астрономія отнынѣ должна быть компасомъ философіи, первая должна для второй играть роль путеводной звѣзды и освѣщать ей всѣ пути вселенной. Человѣкъ достаточно долго жилъ на землѣ одинокимъ, достаточно долго онъ не зналъ ни того, что онъ пережилъ въ прошломъ, ни того, что ему предстоитъ въ будущемъ, ни даже того, зачѣмъ онъ вообще живетъ. Достаточно долго онъ дремалъ и утѣшался безпочвенными гресами относительно настоящаго своего состоянія, обманывалъ себя безсмысленными фантазіями и не хотѣлъ постигнуть все величіе необъятнаго творенія. Такъ пусть же онъ очнется отъ этого долгаго сна, пусть онъ яснымъ взглядомъ окинетъ созданіе Божіе, и въ немъ почувствуетъ сіяніе божественнаго величія; пусть онъ прислушается къ голосу природы, чтобы вырваться изъ своего мнимаго одиночества, чтобы получить возможность видѣть въ безпредѣльномъ небесномъ пространствѣ тѣ человѣчества, которыя, подобно волнамъ, въ общемъ движеніи сплываются въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ вселенной въ одно общее море разумныхъ существъ.

Мы основываемъ наше ученіе на различныхъ тезисахъ, а потому и наша книга раздѣляется на нѣсколько главныхъ частей. Наши изслѣдованія мы начнемъ съ историческаго обзора этого ученія, и мы увидимъ, что въ сторону обитаемости вселенной склонялись выдающіеся умы всѣхъ временъ,

всѣхъ странъ и вѣрованій. Мы надѣемся, что этотъ нашъ трудъ послужитъ вѣскимъ доводомъ въ пользу упомянутого ученія. И астрономія и физиологія, каждая въ своей области, покажутъ намъ, что другія планеты обитаемы не менѣе, чѣмъ земля, и что наша земля въ этомъ отношеніи не пользуется ровно никакими преимуществами. Изслѣдованіе вселенной убѣдитъ насъ въ томъ, что наша земля среди безчисленныхъ міровъ представляетъ собою лишь ничтожный атомъ, и мы увидимъ (если взять примѣръ изъ ближайшаго нашего окружающаго), что муравей въ лѣсу имѣетъ несравненно больше основаній полагать, что его холмикъ есть единственное обитаемое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, чѣмъ мы—утверждать, что безконечное пространство вселенной состоитъ изъ сплошной пустыни, въ которой наша земля будто бы является единственнымъ оазисомъ, и что человѣкъ былъ, есть и вѣчно будетъ единственнымъ зрителемъ этой картины.—Нравственная философія своимъ жизненнымъ дыханіемъ въ концѣ-концовъ оживитъ наше ученіе, основанное на строго-научномъ изслѣдованіи, и покажетъ намъ узы, которыя насъ, обитателей земли, связываютъ со всѣми разумными существами вселенной; она докажетъ намъ то, что мы полагаемъ себя въ правѣ называть *научной религіей*.

Такова наша программа. Возможно, что она слишкомъ обширна, но она создавалась сама собою по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ безконечно дорогія намъ изслѣдованія. Намъ хочется, чтобы мы основательно усвоили нашу тему и изложили ея, какъ этого заслуживаетъ такой серьезный и возвышенный вопросъ. Намъ хочется, чтобы мы своимъ трудомъ принесли хоть какую-нибудь пользу тѣмъ, кто, какъ мы, ищетъ истину путемъ изученія природы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

I.

Отъ глубокой древности до среднихъ вѣковъ.

Человѣчество стало интересоваться вопросомъ, обитаемы ли другіе міры, съ того момента, когда оно начало сознательно мыслить. — Кто первый провозгласилъ это ученіе?—Аріи.—Кельты.—Галлы.—Друиды.—Взгляды, высказанные древней исторіей.—Египтяне.—Греческія секты.—Луна, по Орфею.—Іоническая школа: Анаксагоръ.—Послѣдователи Пифагора; гармонія вселенной.—Ксенофанъ и элеаты.—Послѣдователи Платона.—Школа эпикурейцевъ.—Лукрецій.—Первые вѣка христіанства.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Лукрецій писалъ:

„Весь этотъ видимый міръ въ природѣ не единственный, и мы должны полагать, что въ другихъ областяхъ вселенной есть другія земли, другія существа и другіе люди.

Начиная этими правдивыми словами, древняго поэта природы нашъ трудъ, который мы хотимъ основать исключительно на результатахъ современныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій, мы не имѣемъ въ виду ссылаться на древніе авторитеты, чтобы подтвердить правдивость нашего ученія, но мы просто хотимъ показать, что наша мысль не нова, что ее высказывали философы, которыхъ отъ насъ отдѣляютъ тысячелѣтія. Однако прежде чѣмъ мы приступимъ къ выясненію степени обитаемости небесныхъ тѣлъ при помощи астрономіи, мы считаемъ полезнымъ кратко изложить исторію развитія мысли объ обитаемости вселенной, и такимъ путемъ показать, что всѣ герои знанія и философіи съ одушевленіемъ становились подъ то знамя, которое мы собираемся защищать.—Ученый Бабинэ утверждаетъ (и именно по отношенію къ интересующему насъ вопросу), что теорію не особенно хорошо рекомендуетъ то обстоятельство, что она имѣла сторонниковъ въ древности, потому что ея противники непременно располагаютъ такимъ же доводомъ. Мы не раздѣляемъ этого взгляда; если въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ дальше, наше

ученіе убѣжденно проповѣдывали почти всѣ выдающіеся философы прошлаго, то можно съ значительной степенью вѣроятія утверждать, что эти философы отлично знали, что они говорили, и что, прежде чѣмъ выработать опредѣленное убѣжденіе и защищать его, они, зная, что ихъ слова исторія сохранитъ для потомства, серьезно взвѣшивали всѣ доводы „за“ и „противъ“. Если нѣкоторые писатели древняго міра не поднялись до такого широкаго взгляда на вселенную, то въ этомъ виноваты побочныя обстоятельства: этимъ писателямъ было чуждо изученіе звѣзднаго неба.—Упомянемъ еще, что это ученіе во всѣ времена имѣло массу защитниковъ, и что среди послѣднихъ были люди, имена которыхъ неизгладимо записаны на страницахъ исторіи наукъ. Все это неоспоримо доказываетъ, что наше ученіе не плодъ искусственной систематизаціи, не мнѣніе недолговѣчныхъ сектъ или партій, но что оно глубоко пустило корни въ человеческой душѣ, что оно, на ряду съ изученіемъ природы, занимало духъ человѣка во всѣ времена, у всѣхъ народовъ. Поэтому читателю не слѣдуетъ бояться, что онъ безплодно затратитъ время на безцѣльное занятіе, недостойное серьезнаго, глубокаго мышленія, если онъ займется тѣми великими изслѣдованіями, которыя ведутъ насъ къ познанію истиннаго отношенія человѣка ко всей природѣ, къ выясненію его дѣйствительнаго положенія въ необъятной вселенной. Рѣшеніе этихъ вопросовъ мы поставили себѣ цѣлью, приступая къ изслѣдованію многочисленности обитаемыхъ міровъ.

Чтобы добраться до первоисточника этого дивнаго ученія, чтобы узнать, кому изъ смертныхъ мы обязаны этимъ поразительнымъ проникновеніемъ человеческого духа, намъ нужно мысленно перенестись къ тѣмъ святымъ ночамъ, когда душа, наединѣ съ природой, подъ священнымъ сводомъ безпредѣльнаго звѣзднаго неба, погружается въ молчаливое созерцаніе. Тысячи звѣздъ, разсѣянныхъ по необъятному пространству вселенной, льютъ на нашу землю мягкое сіяніе, которое опредѣляетъ мѣсто, занимаемое нами среди вселенной. Таинственная мысль о безконечности всецѣло захватываетъ насъ, заслоняетъ собою все земное и незамѣтно уноситъ насъ къ тѣмъ далекимъ мірамъ, которые недоступны для слабаго человеческого взора. Погруженные въ вѣщій сонъ, мы глядимъ на сверкающіе алмазы, дрожащіе среди неподвижной синевы ночного неба, мы слѣдимъ за падающими звѣздами, проносящимися отъ времени до времени по эоипу, вмѣстѣ съ ними мы углубляемся въ неизмѣримыя бездны и носимся отъ одного міра къ другому въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной. Но восхи-

щеніе, вызванное въ насъ поразительной живою картиною природы, скоро смѣняется чувствомъ невыразимой печали, потому что мы сознаемъ, насколько мы чужды тѣмъ мірамъ, которые, благодаря кажущемуся покою одиночества, не могутъ создать въ нашей душѣ то впечатлѣніе жизни, которое привязываетъ насъ къ нашей землѣ. Мы смутно чувствуемъ безконечность, и это чувство рождаетъ въ насъ мрачную задумчивость, но въ то же время и восхищеніе; звѣзды висятъ въ пространствѣ, какъ жилища, погруженные въ вѣчное молчаніе и совершающія вдали отъ насъ свой, невѣдомый намъ, жизненный путь. Онѣ влекутъ къ себѣ наши мысли, какъ бездна, но онѣ ревниво хранятъ тайну своего существованія. Изъ своей тѣни мы глядимъ въ безконечность величественной и таинственной вселенной, и чувствуемъ неодолимое желаніе заселить всѣ эти міры, которые кажутся намъ забытыми жизнью; намъ страстно хочется, чтобы въ этомъ вѣчно пустынномъ и безмолвномъ пространствѣ нашъ вопрошающій взглядъ встрѣтился съ другимъ взглядомъ, который принесъ бы ему отвѣтъ на его вѣчной вопросъ. Такъ отважный мореплаватель въ свое время мысленно долго проникать въ таинственную даль океана и искалъ берега, который, какъ откровеніе, носился передъ нимъ въ его грезахъ; орлинымъ взоромъ онъ окидывалъ даль, онъ отважно переступалъ границы извѣстнаго міра, чтобы, наконецъ, пристать къ берегу, открыть „Новый Свѣтъ“, уже существовавшій много тысячелѣтій до этого открытія. Его грезы стали дѣйствительностью. Такъ пусть же и наши грезы освободятся отъ сковывающей ихъ до сихъ поръ дымки таинственности! На утлой ладѣ грезъ мы поднимаемся въ небеса, чтобы въ океанѣ эира найти новыя земли.

Глубокая вѣра, въ силу которой мы во вселенной видимъ необъятное царство, гдѣ жизнь развивается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, гдѣ тысячи народовъ одновременно заселяютъ міровыя пространства,—эта глубокая вѣра, очевидно, родилась на землѣ вмѣстѣ съ первой сознательной мыслью человѣка. Первый мыслящій человѣкъ, который въ невинномъ порывѣ вѣрующей души погрузился въ благоговѣйное созерцаніе неба, непремѣнно долженъ былъ хотя смутно почувствовать эту вѣру, потому что ему, больше чѣмъ намъ, было доступно пониманіе того, что начертано на небѣ. Всѣ народы, и среди нихъ, главнымъ образомъ, индусы, китайцы и арабы, до нашихъ дней сохранили легенды, въ которыхъ говорится о населенности звѣзднаго пространства. Если мы откроемъ первыя страницы исторіи человѣчества, то мы тамъ найдемъ ту же мысль, хотя и облеченную въ различныя формы; тамъ мы

встрѣтимъ и религіозныя ссылки на переселеніе душъ, на жизнь послѣ смерти, или же чисто-астрономическіе доводы въ пользу обитаемости небесныхъ тѣлъ.

Въ *Ведѣ* *), самыхъ древнихъ письменахъ, дошедшихъ до насъ чуть ли не отъ до-историческихъ эпохъ, мы находимъ ученіе о многочисленности міровъ, въ которыхъ (или, вѣрнѣе, на которыхъ) живутъ человѣческія души послѣ ихъ пребыванія на землѣ; тамъ же мы встрѣчаемъ гимны, созданныя за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, и въ этихъ гимнахъ говорится о томъ, что каждая душа переселяется въ міръ, который соответствуетъ ея дѣламъ, ея развитію. Солнце, луна, небесныя тѣла, неизвѣстныя намъ, жителямъ земли, приспособлены для жизни, они сами въ себѣ выработали жизненные формы, непостижимыя для нашего разума. Съ Ведой довольно схожа *Зендавеста* персовъ, въ которой изложены религіозныя догматы Заратустры. И въ этомъ ученіи мы находимъ тѣ же взгляды на вселенную. Но въ этихъ памятникахъ древнѣйшей философіи чрезвычайно трудно разобраться, отдѣлать положительные взгляды отъ метафизики, почему мы здѣсь упоми-
наемъ о нихъ лишь вскользь.

Наши ближайшіе предки, кельты-галлы, въ молитвахъ друидовъ **) и въ пѣсняхъ бардовъ славили безконечность пространства, вѣчность времени, жизнь на лунѣ и въ невѣдомыхъ областяхъ вселенной, переселеніе душъ на солнце, а оттуда—въ другіе небесные міры. Друиды, обладавшіе болѣе основательными астрономическими познаніями, чѣмъ то принято думать, вычислившіе длину года, создавшіе точный календарь; друиды, посвятившіе культу астрономіи особые памятники-зданія, развалины которыхъ мы и теперь еще находимъ среди опустѣвшихъ равнинъ Карнака ***), эти друиды отличались общей широтой міросозерцанія и сравнительно высокимъ уровнемъ знанія законовъ природы, что можно прослѣдить даже въ обрывкахъ ихъ религіи, сохранившихся послѣ разлагающаго вліянія Римской имперіи. Но, какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, исторія кельтовъ съ теченіемъ времени исказилась благодаря устной ея передачѣ; религіозныя идеи перепутались съ астро-

*) *Веда*—древняя литература индусовъ, и ученіе Браммы. Нѣкоторые рукописи были созданы за 1500 лѣтъ до Рождества Христова (напр. Сальгита). Переводч.

**) *Друиды*—жрецы древнихъ кельтскихъ народовъ. Они представляли собою нѣчто въ родѣ особаго замкнутого сословія, отличались своимъ развитіемъ, сравнительно довольно высокимъ для того времени. Переводч.

***) *Карнакъ*—французская провинція. Переводч.